

СУЩНОСТЬ КОНСЕРВАТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

Статья представляет собой исследование природы консерватизма в современной политической риторике. Автор анализирует ключевые концепции консерватизма, присущие ему черты, подходы, основные положения, определяющие содержание его идеологии, изложенные в трудах отечественных ученых.

Назревшая в российском политико-публицистическом дискурсе потребность идентификации консерватизма как идейно-политического течения в обязательном порядке предполагает выявление его сущности, присущих ему черт, особенностей, которые должны найти отражение в самом понятии «консерватизм».

Стремясь дать определение консерватизма в целом, М.В. Ремизов для начала воспроизводит вопрос, неоднократно звучащий в кругу его

единомышленников: «что собирается консервировать в России – стране с неоднократно прерванной традицией?» Отвечая на него, он делает вывод, согласно которому консерватизм выходит на сцену тогда, когда «консервировать» уже поздно, поскольку порядок имперского и сословного общества, который мог служить предметом консервации, превратился в руины по мере продвижения «просвещения», «революции», «эмансипации» [1]. Это означает, что консервативное

ВИТИТНЕВ Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Государственного университета просвещения, Россия, Москва, email: ivan439@ya.ru.

Ключевые слова: консерватизм, либеральный консерватизм, специфика консерватизма, традиция, идеология.

DOI: 10.48137/23116412_2024_2_125

сознание, связанное с уходящим миром, попадает в ситуацию конфликта, когда консерватор обособляет свое право на участие в политической современности может лишь сознательно «моделируя» подлежащее сохранению. При этом ретроспективное и негативное переживание, из которого «рождается» консерватизм, подчеркивает М.В. Ремизов, не представляет никакой политической позиции, но для ответа на вопрос «что консервативно» требуется теоретическая почва [1].

Для «реконструкции консерватизма» как целостного феномена, М.В. Ремизов, опираясь на самоопределения, предлагаемые отдельными течениями, претендующими на принадлежность к консерватизму, выделяет два методологических подхода, достаточно часто упоминаемые в публикациях, посвященных этой проблеме.

Первый подход был сформулирован американским социологом С.Ф. Хантингтоном, определявшим консерватизм как параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации, поэтому его содержание статично, а исторические проявления изолированы и дискретны, что лишает его возможности сформировать собственную традицию и обзавестись собственной историей.

Второй же подход разработан К. Мангеймом, характеризовавшим консерватизм как исторически развитую динамичную объективную структурную мыслительную конфигурацию, что предполагает его истолкование в идеологическом и

политическом ключе как мировоззрения. По сути дела, согласно М.В. Ремизову, правильно говорить даже не о двух подходах, а разных «консерватизмах», один из которых может быть назван «ситуативным» или «институциональным», поскольку ставится задача сохранения социальных институтов, и второй – «интегральным» или «идеологическим» в силу того, что он оппонирует либерализму и социализму [1].

К концепциям С.Ф. Хантингтона и К. Мангейма охотно обращаются и другие авторы, поднимающие вопрос о природе консерватизма, о присущих ему чертах, признаках, ключевых положениях, определяющих содержание его идеологии. Так, О.И. Тарасов, указывая на необходимость внешней демаркации консерватизма и типологизации его направлений, подчеркивает неопределенность самого понятия «консерватизм», связывая это с наличием множества национально-культурных и исторических моделей консерватизма, субъективизмом отдельных исследователей и т.д. Делая вывод о том, что только социальная философия может выявить подлинную сущность консерватизма, он упоминает о ситуативном и содержательном подходах. Первый, при ближайшем рассмотрении создает впечатление максимального соответствия самому термину «консерватизм», имеющего значение охранять, беречь. Однако при таком понимании сущности консерватизма, она перемещается с предмета охранения на функцио-

нальное (охранительное) значение в рамках определенной социальной реальности, предмет же охранения теряет свое самостоятельное значение, а консервативной можно назвать любую общественную силу, ведущую борьбу за сохранение устоявшихся порядков [2, с. 19].

Исходя же из содержательного подхода, консерватизм предстает универсальной системой ценностей, идей, взглядов, исходящейся вне национальной, исторической или политической привязки и конкретной социальной общности. Тем самым консерватизм сводится к отстаиванию определенных идей, принципов, установок, которые признаны в человеческом обществе как наиболее эффективные и надежные, а его идеология приобретает вневременной характер [2, с. 20]. Отмечая недостатки обоих подходов, автор делает вывод о том, что наиболее емкое и адекватное определение консерватизма следует искать на их стыке. Помимо этого, по мнению О.И. Тарасова, центральной категорией консерватизма следует считать не понятие «сохранение», а понятие «традиция», поскольку консерватизм в своей рефлексии может опираться не на существующую социальную реальность и интересы господствующего класса, а на некий позитивно оцениваемый концепт, обладающий безусловным превосходством перед существующим общественным строем [2, с. 20].

В качестве традиционных моделей в изучении природы консерватизма концепции С.Ф. Хантингтона и К. Мангейма рассматривает и

Л.А. Мурзанова. По ее словам, в первом случае идеи консерватизма зависят от наличной ситуации, условий и времени, а его функции сводятся к поддержанию статус-кво социальной системы и такой консерватизм есть не что иное, как ответ конкретного общества на вызовы современного мира. Успех консерватизма в этом случае определяется его способностью приспосабливаться к изменившейся ситуации. Однако минусом подобного истолкования является то, что консерватизм оказывается «на шаг позади других идеологий», выступая лишь как реакция на произошедшие изменения [3, с. 55].

Второй же подход, представляемый К. Мангеймом, позволяет рассматривать консерватизм как особый склад мышления. В этом случае задачей консерватизма становится «перевод в сферу рефлексии и ментального опыта тех общественных структур, сохранность которых в первоначальной форме невозможна» [3, с. 55].

По утверждению Н.П. Андросенко, определение сущности консерватизма представляет серьезную политологическую проблему, поскольку консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, чьи идеологические установки «поддаются более-менее ясной дефиниции», «консерватизм выступает как индивидуализированное идейное и политическое течение, определять которое приходится зачастую строго индивидуализированно, применительно к конкретной стране и эпохе» [4, с. 98].

Ссылаясь на К. Мангейма, Н.П. Андросенко выделяет особенность консервативной мысли, заключающуюся в том, что между различными странами, имеющими свои религиозные и политические традиции, передается не столько конкретная политическая программа консерватизма, сколько стиль и набор идейных предпосылок, наполняемых в каждой культуре собственным индивидуальным содержанием [4, с. 100], тем самым консерватизм оказывается определенным способом познания, а не той или иной политической позицией [4, с. 103].

В то же время консерватизм располагает набором теоретических постулатов, изначально противостоящим доктринам Просвещения. Рассматривая содержание концепции С. Хантингтона, автор исходит из того, что ситуативный консерватизм предстает как ответ на «специфические угрозы специфическим культурам и институтам, а сторонники консерватизма в одно время и определенном месте могут быть оппонентами при определенных обстоятельствах, а потому в данном случае консерватизм предстает как идеология позиции [4, с. 103].

Упоминая о замечании М. Ремизова относительно того, что позиция С. Хантингтона лишает консерватизм собственного содержания, поскольку она предполагала не противостояние консерватизма не другим идеологиям, а лишь радикальным прочтением любой из них, Н.П. Андросенко де-

лает вывод, согласно которому введение С. Хантингтоном подобной антитезы стало важной вехой в понимании рассматриваемого феномена [4, с. 104].

Свое видение решения теоретико-методологических проблем, возникающих при определении сущности консерватизма предлагает Е.Е. Белоусова, по словам которой, наряду с идейным и ситуативным подходами существует ряд других, носящих промежуточный, компромиссный характер. В их рамках открывается возможность «преодоления эвристических недостатков, связанных с фактическим отсутствием консерватизма в его классической форме в социально-политической практике современного мира (идейный подход), и размытыми методологическими границами данного явления (ситуативный подход) [5].

Обращаясь к теоретическим подходам, лежащим в основе анализа консерватизма, Л.В. Поляков ставит в заслугу К. Мангейму создание научной парадигмы, на основе которой консерватизм может быть изучен, применительно к конкретному времени и конкретному социокультурному контексту [6, с. 39]. Говоря о теоретической конструкции С. Хантингтона, Л.В. Поляков отмечает, что наряду с ситуационным подходом к идеологии консерватизма, предполагающим его интерпретацию как системы идей, используемой для оправдания установленного порядка против фундаментальных выводов, данный автор трактует ее в первом слу-

чае как аристократическую теорию, представляющую собой реакцию на Французскую революцию 1789 года, а во втором – как систему идей, отверженность к которой определяется способностью усматривать в этих идеях истинность и привлекательность [6, с. 40].

Специфика идеологического и мировоззренческого подходов к анализу консерватизма рассматривается А.А. Гороховым. В рамках идеологического подхода им выделяются два направления. Первое из них ориентирует на то, что идеология консерватизма универсальна для всех культур, любого исторического периода и любого государства. Второе же направление учитывает культурные особенности общества, где сформировалась консервативная идеология, что дает основание говорить о консерватизме как о составной части культуры [7, с. 74].

Отвергая первое, узкое понимание консервативной идеологии, упрощающее ее содержание, автор высказывается в пользу понимания природы консерватизма и его идеологии в широком смысле слова, предполагающим признание культурного разнообразия. Более того даже применительно к одной национальной культуре консервативная идеология как совокупность единообразных ценностей и идей, переходящих из века в век, является ответом конкретного общества на конкретные культурные и политические процессы в определенное историческое время [7, с. 74]. Вместе с тем, по замечанию А.А. Горохова, как узкая, так и широкая

трактовка в рамках идеологического подхода предполагает подчиненное положение культуры по отношению к идеологии [7, с. 74]. В отличие от него мировоззренческий подход предполагает рассмотрение культуры как основы консервативного мировоззрения [7, с. 76], что позволяет автору сделать вывод о необходимости консервативного познания культуры народа, в которую укоренена консервативная идея, для верного понимания сущности последней [7, с. 77].

Об основных подходах к определению сущности консерватизма – идейном и ситуативном – упоминает в своей статье С.Н. Кумскова. В рамках идейного подхода консерватизм, подобно либерализму и социализму, предстает как одно из идейно-политических течений Нового времени, однако, если первые заняты проектами построения будущего, то консерватизм ориентирован на сохранение вечных ценностей. Ситуативный же подход к определению консерватизма предполагает, что сущность консерватизма выражается в стремлении «к сохранению статус-кво». При этом он не имеет устойчивого идейного ядра и принимает различные формы в различные исторические периоды. Придерживаясь точки зрения, что идейный подход более корректен, поскольку консерватизму присущи «неизменные, устойчивые характеристики», С.Н. Кумскова определяет его как феномен христианской культуры [8, с. 200]. Последняя задает специфику консервативного стиля мышления, для

которого свойственны вера в трансцендентный моральный порядок; призыв к медленным переменам, непрерывности «эволюции», осторожность в реформах; негативное отношение к планированию, однообразию, равенству, неприязнь к абстрагированию. В то же время каждое общество мыслится как плод уникального исторического развития, как живой организм, что делает невозможным механический перенос политических и общественных институтов. Что же касается революций, то они отвергаются как губительные для общества, а политические системы создаются не разумом, а традициями, и поэтому теоретические модели переустройства общества обречены на провал. Государство же не есть сумма составляющих его индивидуумов, а напротив, каждый из них выступает как часть более широкого целого, представляя как органическая личность, живущая в органических связях с другими «я» [8, с. 201].

На затруднения, связанные с попытками дать «строгое, четкое, структурное определение консерватизму», указывает А.Г. Дугин, согласно утверждению которого консерватизм не является политической идеологией, в силу чего не может быть и общей теории консерватизма. Последний же не универсален, так как в каждом обществе на каждом этапе исторического развития он защищает совершенно различные комплексы идей, взглядов и ценностей [9]. Это значит, что содержание консервативной идеологии в обществах светских, хри-

стианских и исламских будет категорически противоположным, подчас даже конфликтным [9]. Согласно А.Г. Дугину, изучение феномена консерватизма требует исторической и географической контекстуализации, что позволит в типологическом и функциональном, а не содержательном поле дать наиболее общую дефиницию консерватизма, наиболее общую фиксацию того, чем он не является – догматическим марксизмом и социализмом и догматическим либерализмом [9]. При этом «плюральность» рассматривается консерватизмом как положительная категория, а защита различий выступает как самая общая черта консерватизма перед лицом альтернативных ему идеологий [9].

Консерватизм в своих сущностных основаниях, согласно утверждению С.Г. Волобуева, подвергнутого критике содержание идеологии и политическую практику коммунизма, либерализма, революционаризма и традиционализма, есть выражение подлинного реализма, поскольку он учитывает полноту и законы бытия [10, с. 8]. С точки зрения А.В. Щипкова, специфика консерватизма заключается в том, что в отличие от либерализма, провозглашенного в качестве ценности свободы, и социализма, у которого ценностью выступают социальная справедливость, он не содержит готовую абсолютную ценность, а призывая нечто сохранять и консервировать, четко не проговаривает, что именно. В силу этого консерватизм в современном исполнении не является идеологией и сможет стать та-

ковой лишь тогда, «когда сформулирует свою собственную ценностную базу»¹.

Другой автор, позиционирующий себя как православного консерватора А.Н. Малер, отмечает, что термин «консерватизм» присутствует в самоназвании многочисленных интеллектуальных изданий, «клубов», «центров», которые нередко ведут борьбу за право использовать его в качестве «главного идеологического маркера» [11, с. 26], однако, с точки зрения логики его ценностное содержание ничтожно, а использование его для самообозначения ни к чему не обязывает. У консерватизма, согласно утверждению А.Н. Малера, нет социального референта – социальной группы – социальной группы, социального субъекта, к которому обращена эта идеология. Более того, она вторична по отношению к другим идеологиям, поскольку они возникли как реакция на идеологические вызовы модерна. Это реагирующая идеология и ее главной ценностью является консервация, сохранение каких-то ценностей. Это «военная идеология», призванная их не развивать, а защищать [11, с. 27]. В современной же политике понятие консерватизм, не имеющий содержательного наполнения, означает стремление к сохранению статус-кво, либо предстает как набор противоречащих друг другу идей.

Консерватизм как идеологическая система возможен, когда кон-

сервативное настроение, ориентированное на сохранение определенных элементов статус-кво, объединяется с конкретными содержательными идеологемами, имеющими не «актуальное», а непреходящее и «вечное» значение. При этом мировоззренческий консерватизм отличается от ситуативного тем, что выступает не за охранительство без ценностного обоснования, а призывает к охранительству, так как охранительство позиционируется им как ценность, что и есть выражение подлинного консерватизма [11, с. 31].

Еще один отечественный автор Е.В. Григоров, обращаясь к проблеме выявления сущности консерватизма, указывает, что в эпоху Нового времени, под воздействием целого ряда факторов как социально-политического, так и культурного характера, понятие «консерватизм» априори приобретает негативный оттенок, поскольку ассоциируется со старым, отжившим, и противостоит лучшему [12, с. 6]. Это приводит к неверному употреблению слова консерватизм, применяя его в отношении самых разнообразных явлений, имеющих место не только в политической, но и практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Как отмечает Е.В. Григоров, в современной научной литературе представлено несколько точек зрения по поводу консервативных ценностей, из которых первая основана на том, что содержательное определение кон-

¹ Щипков А.Д. Новый русский консерватизм // Доклад на XXII Всемирном русском народном соборе // www.patriarhia.ru/db/text/5295648.html (дата обращения 20.11.2021).

серватизму дать нельзя, вторая – что позитивное определение возможно, а третья – что консерватизмом нужно называть только идеологию Нового времени [12, с. 10].

Соответственно исследователи, придерживающиеся первой точки зрения, предстают как сторонники ситуативного подхода, исходят из того, что консерватизм – это идеология, которая направлена на обоснование, охранение, укрепление и развитие существующего строя, при этом объектом сохранения могут представлять даже противоположные идеи, ценности и идеалы, а в качестве антагонистов выступают реформизм и революционаризм. Согласно выводу Е.В. Григорова, в рамках ситуативного подхода консерватизм предстает как тип мировоззрения и различить на его основе, о чем идет речь – стиле политического мышления или идеологии – невозможно. Вторая же точка зрения связана с процедурой перечисления признаков консерватизма: приверженность традиции, органицизм, апология неравенства и т.д. Что же касается третьего подхода к содержательно-му определению консерватизма, рассматриваемого как феномен Нового времени, то он тоже, по словам Е.В. Григорова, не дает однозначного решения вопроса дефиниции консерватизма. Подтверждением чему является различие во взглядах признанных классиков консервативной мысли той эпохи, среди которых одни, подобно Ж. де Местру, ценности консерватизма выводили

из идеалов Средневековья, а другие, подобно Э. Бёрку, связывали с ценностями английского буржуазного общества XVIII века. В результате автор приходит к заключению, что консерватизм, понимаемый как социально-политическая теория, ориентирован на отстаивание приоритета реальных ценностей, что находит воплощение в идеях антиутопизма, иррационализма, историзма, традиционализма, антиидеализма, несовершенства человеческой природы, коллективизма, иерархии и неравенства, а также удовлетворительности наличием и характером деятельности существующих социально-политических институтов, которые в своей совокупности наиболее полно раскрывают его сущностные основания. Исходя из этого, Е.В. Григоров отвергает как несостоятельное противопоставление консерватизма и либерализма, реформизма и радикализма, и выдвигает новую антитезу «консерватизм и утопизм», поскольку утопизм как мироотношение отдаст приоритет не реальным, а нормативным ценностям. Воплощение же последних никогда не удовлетворяет реформатора-утописта, живущего в холодном, нуждающемся в переделке мире. В этом качестве выступают, подчеркивает Е.В. Григоров, не только социалисты и либералы, но и реакционеры – создатели ретроспективных утопий [12, с. 15]. Истинные же консерваторы согласны с социальными реформами тогда, когда социальные изменения уже произошли и «де-юре» нужно закрепить то, что

имеет место «де-факто». Именно поэтому консерватор живет в комфортом и теплом мире и проявляет политическую активность лишь тогда, когда этот мир подвергается разрушению [12, с. 16].

Согласно же позиции А.Н. Окары, дискурс консерватизма ограничен эпохой Модерна и говорить о чистом консерватизме можно, начиная с 1789 года и по вторую половину XX века. После завершения проекта «Модерн» консерватизм теряет свою сущность и в постмодернистской реальности появляется идеологические гибриды – неоконсерватизм, консервативный либерализм, либеральный консерватизм, неолиберализм, либертариизм и т.д. Распад проекта «Модерн» и его ценностей совпадает с процессом мутации идеологий [13, с. 119].

Размышления о ценностных характеристиках, идеологической и политической специфике консерватизма в сочетании с попытками преодолеть обычно упоминаемую терминологическую неопределенность, препятствующую объективной идентификации данного феномена, заставляет многих исследователей поднимать вопрос о совместимости консервативных ценностей с теми, что постулировались такими идеологиями как социализм, либерализм и традиционализм, так или иначе определяя содержание осуществленной на основе последних политической практики.

Следует отметить, что несмотря на наличие в рамках российской политической системы партий и

организаций, чья программатика включает положения и установки одновременно социалистического и консервативного характера, что как отмечалось выше, дает основание говорить о левом консерватизме, природа данного явления и даже сам факт его существования получили в литературе самые различные оценки.

Как пишет К.А. Лотарев, консервативные установки находятся в противоречии с социалистическими идеями, в их большевистском, коммунистическом истолковании, а сами коммунисты представляют собой политическую силу, принесшую стране «неисчислимые беды» [14, с. 17]. Однако по убеждению А.В. Щипкова, в условиях, когда наблюдается обесценивание либеральных принципов, открывается возможность для возникновения социал-консерватизма, идеология которого органично синтезирует ценностные установки социалистического, консервативного, реформистского и религиозного характера [15, с. 247]. Обращаясь к европейской истории XIX века, на возможность сближения консерватизма и немарксистских социалистов указывает А.М. Руткевич. Причиной тому были ностальгия по прошлому, критика уродств разрастающейся индустриальной цивилизации, а также органическое видение общества [16, с. 374].

Согласно же другой точке зрения, неприятие разрушительных, регрессивных изменений и ностальгия об ушедших в прошлое форм

организации социальной жизни в значительно большей степени соотносимых с понятием «прогресс», не следует напрямую связывать с феноменом консерватизма.

В последней трактовке, идеи «левого» консерватизма выражают умонастроения той части постсоветского общества, что «смогли вписаться в складывающуюся систему буржуазных отношений, превратившись, помимо своей воли, в

весьма многочисленную социальную группу – мелкую буржуазию». Ее представители, «изначально сожалея о канувшей в прошлое советской эпохе», не веря в «возможность восстановления социализма, отвергали сколько-нибудь решительные изменения в обществе», «опасаясь, что они приведут к последствиям, которые вновь обернутся социальной катастрофой» [17, с. 231].

Список литературы

1. Ремизов М.В. Консерватизм сегодня: аналитический обзор // Волшебная Гора. 2006. № XII. С. 24-48.
2. Тарасов О.И. Консерватизм: проблема терминологической неопределенности // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4-1(25). С. 18-23.
3. Мурзанова Л.А. Соотношение охранения и модернизации в консервативной мысли // Философия и общество. 2016. № 4. С. 53-62.
4. Андросенко Н.П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. № 1. С.98-110.
5. Белоусова Е.Е. Консерватизм как идейно-политическое течение: история развития и сущность // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 9. С. 89-93.
6. Поляков Л.В. К изучению российского консерватизма: история и метод // Полития. 2012. № 4 (67). С.29-44.
7. Горохов А.А. Методологические аспекты анализа консерватизма: идеология, мировоззрение, политическая культура // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Выпуск 1. С.72-78.
8. Кумскова С.Н. Феномен русского консерватизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. №10. С.200-204.
9. Дугин А.Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. 2009. №4(35). С.7-15.
10. Волобуев С.Г. Смысл и задачи современного российского консерватизма / Современный российский консерватизм: Сборник статей. М.: «НП-Принт». 2011. 14 с.

11. Малер А.М. Философия консерватизма: противоречия и преодоления // Современный российский консерватизм. М.: Центр социально-консервативной политики и движение «Сторонники партии «Единая Россия». 2011.
12. Григоров Е.В. Проблемы определения консерватизма // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. №3 (6). С.5-16.
13. Окара А.Н. Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Вып. 4. С. 119-121.
14. Лотарев К.А. Консерватизм в современной России: к проблеме устойчивого развития. Ч.1. // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Серия: Политология. Религиоведение. Т.15. С.14-22.
15. Щипков А.В. Модернизм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: диссертация на соискание уч. степени доктора политических наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. 418 с.
16. Руткевич А.М. Либеральная демократия vs консервативный популизм // Тетради по консерватизму. 2019. № 1. С. 344-380.
17. Вититнев С.Ф. Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. №5. С. 227-240.

VITITNEV Sergey F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law of the State University of Education, Moscow, Russia, email: ivan439@ya.ru

Keywords: conservatism, liberal conservatism, the specifics of conservatism, tradition, ideology.

THE ESSENCE OF CONSERVATISM IN MODERN RUSSIAN POLITICAL AND JOURNALISTIC DISCOURSE

Annotation

The article is a study of the nature of conservatism in modern political rhetoric. The author analyzes the key concepts of conservatism, its inherent features, approaches, and the main provisions defining the content of its ideology, as set out in the works of Russian scientists.

References

1. Remizov M.V. Conservatism today: an analytical review // Magic Mountain. 2006. No. XII. pp. 24-48.
2. Tarasov O.I. Conservatism: the problem of terminological uncertainty // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2012. No. 4-1(25). pp. 18-23.
3. Murzanova L.A. Correlation of conservation and modernization in conservative thought // Philosophy and Society. 2016. No. 4. pp. 53-62.
4. Androsenko N.P. Rethinking conservatism. Conservatism as a system of cognition // Bulletin of the Moscow State University named after M.A. Sholokhov. 2013. No. 1. pp. 98-110.
5. Belousova E.E. Conservatism as an ideological and political trend: the history of development and essence // Legality and law and order in modern society. 2012. No. 9. pp. 89-93.
6. Polyakov L.V. To the study of Russian conservatism: history and method // Politiya. 2012. No. 4 (67). pp. 29-44.

7. Gorokhov A.A. Methodological aspects of the analysis of conservatism: ideology, worldview, political culture // Problem analysis and public management design. 2012. Issue 1. pp.72-78.
8. Kumskova S.N. The phenomenon of Russian conservatism // Bulletin of Kemerovo State University. 2010. No.10. pp.200-204.
9. Dugin A.G. Conservatism as a phenomenon: is its general theory possible? // Philosophy of Law. 2009. No.4(35). pp.7-15.
10. Volobuev S.G. The meaning and tasks of modern Russian conservatism / Modern Russian conservatism: Collection of articles. M.: "NP-Print". 2011. 14 p.
11. Mahler A.M. Philosophy of conservatism: contradictions and overcoming // Modern Russian Conservatism. Moscow: Center for Socially Conservative Politics and the movement "Supporters of the United Russia Party". 2011.
12. Grigorov E.V. Problems of defining conservatism // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2009. No.3 (6). pp.5-16.
13. Okara A.N. Conservatism as a modernist project and as a political technology of the elite // Problematic analysis and public management design. 2010. Issue 4. pp. 119-121.
14. Lotarev K.A. Conservatism in modern Russia: towards the problem of sustainable development. Part 1. // Izvestiya Irkutsk State University. 2016. Series: Political Science. Religious Studies. Vol. 15. pp.14-22.
15. Shchipkov A.V. Modernism and social conservatism in modern ideological discourse: dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2016. 418 p.
16. Rutkevich A.M. Liberal democracy vs conservative populism // Notebooks on conservatism. 2019. No. 1. pp. 344-380.
17. Vititnev S.F. Modern Russian conservatism and the political process // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2017. No.5. pp. 227-240.